

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОСТЮМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОТ ЗНАКА К ТЕКСТУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Самара. Самарский государственный университет

Если исходить из теории Р. Барта о существовании у одной и той же вещи (платья, костюма) трех разных структур - технологической, иконической и вербальной [1], то возможно расширить рассмотрения темы модного костюма до социологии моды, т.е. проследить как некая модель одежды стремится систематизировать типы поведения, соотнося их с социальными положениями, уровнем жизни людей и их ролями. «Веками типов одежды было столько же, сколько социальных классов, — пишет Р. Барт в статье «Дендизм и мода». — Для каждого социального положения имеется свой костюм, и превращать одеяние в знак не составляло никакой трудности, поскольку сама сословная рознь считалась чем-то естественным» [2]²

С конца XVIII века мужской костюм в общих чертах приходит к единообразию. Но социальное разделение в обществе остается. Тогда в одежде возникает такая новая эстетическая категория как деталь. «Отныне достаточными обозначениями тончайших социальных различий сделались узел галстука, ткань сорочки, жилетные пуговицы, туфельные пряжки» [3] и т.д. Студенческая мода XIX века в России — это не просто мир вещей. В семиологическом плане она предстает как идеология, т.е. сотворение мира смыслов через мир вещей.

Студенчество России конца XIX века весьма примечательная группа населения, маргинальная по всем граням своего бытия. Его полисословная природа, психологический тип социального поведения, предопределенный возрастными характеристиками; специфический строй материально-бытовой и дисциплинарно-правовой повседневности выработали многоязычное семиотическое пространство, о степени изученности которого в отечественной историографии можно говорить с большой долей условности, поскольку до 90-х годов XX века эта тема развивалась в русле трудов по истории отдельных, далеко не всех, высших учебных заведений, российской интеллигенции, студенческого и революционного движений, большевистской партии, выполняя при этом вспомогательную, иллюстрирующую функцию.

Портрет-тип студента второй половины XIX века оставлен потомству художником Н.Я. Ярошенко (1881 г.), как наиболее совершенное воплощение учащегося молодого человека в изобразительном искусстве. Актером Ю.М. Юрьевым описан сценический студент Мелузов в комедии А.Н. Островского «Таланты и поклонники»: «Он немного сутуловат, медлителен и угловат в движениях от привычки к сидячей жизни, сосредото-

чен, замкнут, всегда о чем-то думает и производит впечатление отсутствующего, когда он на людях, особенно чужих ему, а уж когда говорит, то с какой-то своеобразной напевностью человека, привыкшего рассуждать об отвлеченном, спорить о высших материях. Шлатен с небольшой редкой бородкой, он носил, как тогда было принято среди интеллигентной молодежи, длинные волосы. Носил традиционный черный сюртук, мягкую темную фетровую шляпу – «пушкинскую», а на плечах неприменный традиционный клетчатый плед, принадлежность каждого бедного студента... и только в середине 80-х годов эта своеобразная «форма» была вытеснена из обихода, когда введен был официальный, обязательный для всех студентов сюртук с синим воротником, со светлыми желтыми пуговицами и шпагой гражданского образца, пальто с такими же пуговицами и фуражка с синим околышем. Надо заметить, что под влиянием введенной формы, ...стал постепенно перерождаться и типичный облик студента» [4]. Как отмечает в своем исследовании Р.М. Кирсонова «балахон с кистями» и длинные волосы явственно обозначили, что студенчество – не возрастной этап в жизни молодого человека, а идеология» [5].

В.А. Гиляровский в своей знаменитой книге «Москва и москвичи» определяет среду обитания московского студенчества границами так называемого «Латинского квартала», между двумя Бронными и Палашовским переулком [6]. М.М. Богословский более подробно описывает обитателей этого студенческого «рая»: «Здесь было часто встретить студентов, в 70-х годах – в широкополых шляпах, с длинными волосами, с неизбежным пледом на плечах, восполнявшим недостаток тепла от носимого зимою осеннего пальто, и непременно с толстеною дубиною в руках» [7]. Таким образом, широкополая шляпа, плед, толстая палка в руках – стали опознавательным знаком студента между 1861 и 1885 годами.

Одевались студенты кто во что, и нередко, как пишет В.А. Гиляровский, «на четырех квартирантов было две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь; сегодня двое идут на лекции, а двое других дома сидят; завтра они пойдут в университет» [8].

Впервые форменный костюм его можно назвать и мундиром – был введен в Московском университете в 1800 году (речь идет только о французском покрое с «вырезанною юбкой»). Так как студентами были лишь выходцы из аристократических семейств, простой покроем не получил особого распространения в студенческой среде. Форму носили лишь те, кто не мог себе позволить элегантного штатского платья. Обязательной студенческой формой стала после 1826 года, что было затем подтверждено Положением о гражданском мундире (1834) [9]. С одной стороны, в университетскую форму постоянно вносились какие-то изменения. С другой стороны, так как большая часть студентов должна была приобретать форму за свой счет, у них всегда оставалась возможность отступить от образца или сделать свою бедность нарочитой, приглашая тем самым к подражанию. Ком-

плекс социальной неполноценности, разъедавший молодые души, очутившиеся в столичной среде, комплекс парвеню (которым до сих пор страдают многие студенты) нашел отражение в специальном исследовании И. Паперно «Николай Чернышевский. Человек эпохи реализма. Семиотика поведения» [10]. Об этом же пишет общественный деятель и публицист Н.В. Шелгунов: «Погоня за аристократизмом была своего рода несчастьем, а, пожалуй, даже и мукой. Я знаю в Самаре одну даму, жену председателя, которая располагала, по-видимому, всеми возможностями, чтобы быть аристократкой (уж одно, что она имела тридцать тысяч в год доходу), и все-таки она могла быть аристократкой только в уездном городе, а не в губернском» [11]. Всякий студент, оказавшийся в столичном университете, сталкивался с множеством предписаний, требовавших более всего денег. Особенно этим славилось Николаевское царствование. Царь не любил отступления от формальной одежды, поэтому подозревал бородатых (домашний арест А.С. Хомякова); носящих пиджаки вместо фраков или сюртуков (задержание И.С. Тургенева после публикации его некролога на смерть Гоголя); широкополые мягкие шляпы – «разбойничьи» вместо обязательных форменных фуражек или дипломатических цилиндров. Таким образом, бороды, шляпы, «американские жакетки» – стали средством выразить свое несогласие со стремлением власти всех стричь под одну гребенку, что и вылилось в их повсеместном ношении после отмены в высших учебных заведениях обязательной формы. В 1861 году вышел правительственный указ «О мерах, необходимых для надзора за университетскими студентами по случаю непрерывно возникающих беспорядков» в котором говорилось об отмене форменной одежды [12]. В конце 40-х – начале 50-х годов образцом для подражания в манере одеваться стали служить не картинки из журналов, а внешний облик либеральных профессоров, переловых критиков и журналистов. По свидетельству А.М. Скабичевского, «желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей... Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы (женщины) и космы сзади до плеч (мужчины), синие очки, фразьявольские шляпы и конфедератки», являлись отличительной чертой ученой молодежи [13]. Манеру носить плед и использовать его вне дома придумали студенты, уподобляя себя гордыми героями Вальтер Скотта. Широкополая шляпа связана с «калабрезой», ставшей символом борьбы за свободу и независимость Италии. Однако к концу XIX века итальянское происхождение шляпы было забыто, и она получила название «пушкинской», в результате своего рода абстракции – широкополый цилиндр – «боливар» в сознание современников слился воедино с мягкой шляпой.

Внешний облик студента конца XIX века определялся спецификой его повседневного быта и экономического статуса. Основная масса молодежи была одета в изрядно поношенную форму, такова была мода. Тужурка

нараспашку, из-под нее виднеется косоворотка. Эти юноши с враждебным недоверием смотрели на самоуверенных «аристократов», или «моветонов», как их презрительно называли [14]. Это был совсем другой мир, страшно далекий от студенческого, со своими светскими похождениями, интригами, шумными аристократическими скандалами. Эту блестящую молодежь остальные студенты окрестили «белоподкладочниками». Термин стал нарицательным. Позднее так стали называть всех монархистски-реакционно настроенных студентов. Лощенный «белоподкладочник» одевался в щегольский мундир из тонкого английского сукна. На белой подкладке, с белым кантом. В свое время обязательными для них были чрезвычайно высокие, твердые воротнички, способствующие надменной посадке головы, шпага на боку и непременно белые перчатки. Все это подчеркивало аристократизм и избранность. Поверх всего этого великолепия – богатые шинели с добротными бобровыми воротниками. Как вспоминал один из бывших «белоподкладочников» в эмиграции в Париже в 1934 году К. Грюнвальд, «самодержавие, жандармы, нагайки, Сибирь – были нам бесконечно чужды», ибо «истинно культурный человек не попадает под удары нагаек полиции» [15].

Сама студенческая форма, даже на плечах студента – аристократа, воспринималась в русском обществе как нечто вызывающее, как некий символ ожидаемых социальных потрясений. Форменная одежда русского студента не была только знаком корпоративного отличия. Она воспринималась как некий весьма многозначительный символ общественного состояния студенческого «микрокосмоса»: обывателя студенческая форма настораживала, т.к. студенты слыли распутниками, гимназистов – завораживала; для полиции – тревожный сигнал, а сами студенты чтини свое форменное платье и придавали ему общественную и даже метафизическую значимость. Штатный комплект форменного студенческого платья состоял из парадного мундира с золотым шитьем (да еще с приложением шпаги), сюртука, тужурки, брюк, зимнего и летнего пальто, фуражки. По количеству и качеству предметов можно было судить о реальном социальном положении их владельца. Самые состоятельные шили одежду на заказ. Но чаще всего студенты приобретали одежду в магазинах готового платья, на рынках, у старьевщиков [16]. «Идейные юноши» предпочитали прочей одежде студенческую форму, причем желательно поношенную, необязательно из-за бедности; носили они ее умышленно небрежно. Модно было отпускать волосы до плеч, иметь кудлатую бороду и усы, большие очки с синими стеклами.

Был еще один достаточно распространенный тип студента – шалопа. Во время лекций такие студенты ходили по корпусу шумной толпой, кричали. После занятий – кутили, играли все ночи напролет в карты, проигрывали последние крохи, голодали, напивались, устраивали шумные скандалы. В 70-х гг. XIX века была даже такая поговорка: «Пьян, как фило-

лог» [17]. Модно было в случае административных наказаний за подобное поведение изображать из себя страдальца за народное дело. Были и такие студенты, которые добросовестно грызли гранит науки. Для них университет был священным храмом, а на лекции к любимым профессорам они шли как к обедне. Но, к сожалению, наличие многочисленных фразерствующих неучей позволило известному публицисту, одному из авторов «Вех» А.С. Изгоеву вынести достаточно суровый приговор всему русскому студенчеству: «Русская молодежь мало и плохо учиться», и причины этого, по его мнению, скрывались в слабой культуре ума, нравственном разгильдяйстве и в повальном увлечении молодежи модой на «политику» [18]. Подобное отношение к учебе студентов к учебе в среде русского студенчества конца XIX в. подтверждает и Константин Фортунатов в своей работе «Пассивное обучение и научное образование в высших школах», в которой он пишет о необходимости отменить экзамены, ввиду многочисленных случаев их сдачи по «заранее намеченному или предусмотренному билету», или, наконец, за известную плату, когда товарищи держат экзамен друг за друга» и т.д. [19].

Таким образом, следует отметить что смысл любой вещи – это всегда культурный факт, продукт культуры. Студенческая мода – это не только определенная этика, но и техника. Типичный студент – продукт соединения внешнего облика и текста поведения, а телесное поведение нередко даст путь для выработки мысли. Одна из граней этой мысли заключена в своеобразном видении самого себя, сознании собственных неповторимых отличительных черт, и создании отличительной поведенческой культуры.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 38.
2. Там же. С. 393.
3. Там же. С. 394.
4. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVII-XIX веков. М., 2002. С. 183-184.
5. Там же. С. 184.
6. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 349.
7. Богославский М.М. Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917): Сборник. М., 1989. С. 734.
8. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 349.
9. Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 184.
10. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 207.
11. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 183-184.
12. Там же.
13. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 183-184.

14. Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. Спб., 1998. С. 19.
15. Там же. С. 194.
16. Иванов А. Е. Студенчество в России конце XIX - начале XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 327.
17. Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. С. 24.
18. Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990.
19. Фортунатов К. Пассивное обучение и научное образование в высших школах. М., 1909. С. 9.